

*А. Т. Баянова, А. О. Долева
(зав. научным архивом и библиотекой
им. П. Э. Алексеевой, КалмНЦ РАН;
младший научный сотрудник, КалмНЦ РАН)*

**Известный краевед Дона Ф. К. Траилин
о калмыцких обычаях и обрядах***
DOI 10.22162/2587-6503-2018-1-5-136-143

*Статья подготовлена в рамках государственной субсидии — проект «Формирование полнотекстовых информационных ресурсов в современном научном и культурном пространстве» (номер государственной регистрации АААА-А18-118040490039-3).

Федор Калинич Траилин (1836–1919) — известный на Дону краевед, стоявший у истоков создания Новочеркасской публичной библиотеки (ныне — Новочеркасская Центральная библиотека имени А. С. Пушкина). Будучи казаком станицы Верхне-Курмоярской, окончил в свое время Донское окружное училище, участвовал в военной экспедиции против горцев под командованием Я. П. Бакланова и удостоен за храбрость и героизм крестом «За службу на Кавказе» (1864), серебряной медалью «За покорение Чечни и Дагестана. 1857–1859». Закончив военную службу и выйдя в отставку, приобрел мирную профессию учителя, преподавал в Калмыцком окружном училище. В 1865 г. Ф. К. Траилин был избран Действительным членом Статкома, по заданию которого активно занимался изучением истории и этнографии населения Дона. В 1869 г. он принимал участие в образовании первой на Дону библиотеки, где успел сделать многое. Благодаря ему библиотека была доступной для всех классов общества, была снижена плата за чтение, увеличен фонд книг массового спроса. Впоследствии он служил начальником Газетного Стола Правления войска Донского и был редактором газеты «Донские войсковые ведомости».

Всю свою жизнь Ф. К. Траилин посвятил краеведческой и общественной деятельности. Как утверждает в одном из документов: «Имущества у Траилина нет никакого — ни земли, ни дома, нанимает самую убогую квартиру <...> Пока, при помощи сына, литературные труды дают ему хлеб, но едва достаточный, для того, чтобы жить впроголодь» [ГА РО. Ф. 301. Д. 2352. Л. 6–6об.].

Статьи о жизни, традициях и обычаях калмыцкого народа, принадлежащие перу известного краеведа, публиковались в еженедельной газете «Донской вестник», издававшейся в 1866–1869 гг. Так, известны его статьи «Из калмыцкого округа» [ДВ 1866, № 15], «Калмыцкое духовенство» [ДВ 1867, № 2], «Калмыцкое кочевье» [ДВ 1867, №№ 48–50], «Из калмыцкой жизни. Брак» [ДВ 1868, №№ 31, 32].

В «Донском вестнике» в №№ 21–24 за 1869 г. напечатана статья Ф. К. Траилина «Санскрин-курэдэ — калмыцкая икона». Позднее в 1872 г. она вышла отдельным изданием под названием «Санскрин-курэдэ. Священное калмыцкое изображение». В этом же издании во второй его части было опубликовано его статья «Сведения о донских калмыках», где описаны быт, одежда и домашние предметы донских калмыков. В Санкт-Петербурге в 1867 г. в типографии Ф. Стелловского отдельной брошюрой вышла его статья «Состояние животных под властью калмыков».

Описание Ф. К. Траилиным обряда *һал тәәлһн* (жертвоприношения огню) опубликовано в «Донских епархиальных ведомостях» в 1871 г. Статья представляет несомненный интерес для этнографов и всех, кто занимается исследованием обычаев и традиций калмыцкого народа. Культ огня присутствует практически у всех народов. В понимании людей огонь обладает не только очистительной силой, но и охраняет семейный очаг. О сакрализации огня свидетельствуют как многочисленные мифические персонажи в народном фольклоре (в римской мифологии — Веста, у славян — Чур, у индусов — Агни, у монголоязычных народов — Окон Тенгри), так и обряды жертвоприношения огню. Особенности обряда *һал тәәлһн* (жертвоприношение огню) у калмыков подробно описаны многими исследователями [Потанин 1883; Душан 1928; Кануков 1928; Бакаева 2009; и др.]. Малоизвестно читателям описание этого обряда Ф. К. Траилиным, которое мы приводим ниже. Орфография и пунктуация источника сохраняется.

Траилин Ф. К.

Из калмыцкой религии (Жертвоприношение — Гал-Тяху)

Между народа русского, у коего господствующая религия — христианская, как известно, существует много племен, держащихся других религий. В области войска Донского из таковых иноверцев на-

ходятся калмыки язычники Далай-ламайского исповедания. Численность этого народа весьма незначительна. Он в целой России занимает собою только единственную местность: степи — от берегов р. Сала до Манычи — донские, и от Манычи: на север — астраханские и юг — ставропольские калмыки. Что это за религия, какую они исповедуют, большинство русских людей, не исключая и ближайших соседей калмыков — донских казаков, не только мало знает, но даже не допускает возможности о ее серьезном существовании. Вообще же все считают, что у калмыков нет религиозных чувств и способности к разумному вероисповеданию. Однако же, судя по многим данным их верования, они, если не достигают настоящего религиозного пути, то имеют к нему стремление. В этом убеждает нас строгое исполнение ими многих религиозных обрядностей, переходящих из рода в род, и вообще глубокая покорность Творцу вселенной, понимаемому ими под разными образами и именами ламаизма.

Простонародье калмыцкое в религиозные обрядности не посвящено; исполнение их принадлежит единственно *гелюнам* — жрецам; даже самые храмы ламаистские полагаются закрытыми для калмыцкого народа. А потому, предоставленный самому себе, он проникся суеверием, из которого создал свои собственные обрядности. Так, например, существует слепая уверенность в *счастливые* и *несчастливые* дни, встречи, предзнаменования и проч. С верою исполняются различные причитания и поклонения: солнцу, луне, огню, луню (птице), летящему с правой стороны, и проч. К этому же разряду верований относится жертвоприношение *гал-тяху*. Обряд оно совершается иногда с участием гелюнов, но, по большей части — самим народом, преимущественно старшими в семье. Сущность дела заключается в призывании тепла в жилье на зиму; а жертвоприношение имеет характер задобривания *Окон-Тенгира* — бога огня, чтобы холод был смягчен и обращен в тепло. Ясно, что такой религиозный характер зависит от влияния чисто внешней жизненной обстановки и уместен лишь при настоящем кочевом образе жизни калмыков — в кибитках; но при жизни оседлой их бог тепла, вероятно, сосредоточился бы на печи!... Обрядность эта совершается следующим образом.

В месяц *хулгуна* — мышь¹, предшествующий празднеству *Зул-Сар* — месяц лампад, бывающий в ноябре или начале декабря, пола-

¹ Соответствующий нашему последнему осеннему месяцу.

гается самое благоприятное время для жертвоприношений богу огня, как время кануна предстоящих зимних холодов. В нем считается два наиболее счастливых дня — 11 и 21 числа по светилу луны¹. Но кроме этих дней, известных народу, *зурхачи-гелюны* – уставщики могут назначить и другие, так же или еще более счастливые дни, если кто обратится к ним о том с просьбою. Из дней этих избирается один, по желанию, для совершения установленного обряда, к которому готовятся все члены данного семейства, как к домашнему празднику. Все родственники и соседи, если они не совершают в тот же день то же самое у себя, приглашаются к участию в жертвоприношении. Предметы жертвоприношения суть следующие: огонь, баран, молоко, масло и *арака* — туземный охмеляющий напиток, выгоняемый посредством пара из окисленного молока. Действие начинается большей частью с вечера. Кибитка предварительно приводится в опрятный вид: пол очищается от сора и золы и устилается *шердыками* — узкими длинными полостями, иногда обшитыми сукном, на которых должны сидеть хозяева и гости. Назначенного в жертву барана заблаговременно нарезают и разбирают по составам, без раздробления костей, и сваривают определенные части мяса в котле с водою, без всяких приправ. Мясо, сложенное в корыто, вносится в кибитку, что означает приступ к самой церемонии. Затем рассаживаются на полостях хозяева и гости вокруг дымящейся паром баранины; двое–трое мужчин, с засученными по локоть рукавами, с ножами в руках, приступают к мясу для очищения его от костей, идущих главным образом в жертву; мясо искрашивают на мелко и рассыпают в чашки, припасенные по числу сидящих. В это же время женщины выкладывают посередине кибитки костер из кизяка, изрезанного ножом наподобие полен, и обводят вокруг него по полу из глины волоса или самое употребительное — из надутый воз-

¹ Времясчисление калмыцкое разделяется на следующие периоды: сутки, недели, месяцы (по светилу луны), годы, двенадцатилетия и шестидесятилетия (циклы). Недели состоят из семи дней, месяцы из двадцати восьми и девяти дней (хотя в счете чисел всегда есть 30-е); год состоит из 12-ти месяцев; но двенадцатый год имеет 13 месяцев потому, что последний месяц повторяется два раза; пять двенадцатилетий составляют полный счет летосчисления и носят, каждое отдельно, свое название стихий, считающихся у калмыков из следующих: земля, вода, огонь, дерево, железо. По прошествии 60-летнего периода, счисление времени начинается тем же порядком во весь следующий такой же период и т. д.

духом бараньей кишки — круг; с трех сторон круга втыкается в землю по бурьянине степного солодика, на ветви которого цепляются клочки шерсти, нащипанной с груди жертвы; при них ставится по одному зулу — лампадке, сделанной из теста ржаной муки, со свечильнею и жиром. Когда кости совершенно очищены, а мясо искрошено и залито в чашках *шулюном* — бульоном, тогда начинается обряд *гал-тяху*.

Весь обряд состоит из трех частей. 1) *Молитва*. Глава семейства благословляет начало действия известными молитвами, читаемыми им вслух, на память, или, если он грамотен по-монгольски (калмыцки, одно и то же), — по книгам. В этих молитвах, как и при всяком вообще молении калмыцком, поминаются родители: читаются молитвы, имеющие силу извлекать грешные души из ада ламаистского. Вместе с тем поджигается костер, и засвечиваются стоящие вокруг него лампы; для большей силы пламени на костер бросают куски жира. Пламя извивается языками до крыши кибитки ... председательные благоговейно безмолвствуют... раздается лишь мерный такт калмыцкой молитвы, то читком, то нараспев... 2) *Сожигание*. Очищенные от мяса кости кладут на костер и поливают их топленным жиром, молоком, аракою и *чигеном* (прокисшее молоко, разведенное водою, употребляемое калмыками в питье, как русскими квас). Вся эта смесь означает усердное приношение *Окон-Тенгиру*. Теперь к звукам монотонной молитвы присоединяется шипенье и трескотня — следствие соединения враждебных стихий: огня и воды; распространяется по кибитке чад горящих животных элементов, который наполняет ее всю буквально от потолка до пола дымом. Удушливый, отвратительный запах дыма, по видимому, неприятен и самим жертвоприносителям, но терпится ими с полным самоотвержением, как неизбежное зло, без которого было бы невозможно самоё жертвоприношение... Сожигание костей производится по особым правилам, а не как попало. Прежде всего, кладется голова барана на середину костра, с правой стороны ее — правые части животного: грудины и ребер, а с левой те же левые; все это покрывается вытянутым из внутренности барана *сальником*, что означает щедрость жертвоприношения и служит к усилению пламени костра. Кроме означенных костей барана, можно сожигать и все прочие, по желанию, как принято в какой семье; только ни под каким видом не сожигаются кости переднего правого стегна, по причине употребления его в этой церемонии в сыром виде, как увидим далее. 3) *Обряд-*

ность. В кожаную суму кладется вареная печень и сердце, и опускается до половины сырое правое переднее стегно барана. Один из малолетков — от 12 до 18 лет, назначается совершать процесс хождения вокруг огня с этою сумою. Он берет ее так, что стегно баранины вышашается вровень с его головою. Затем идет вокруг костра (по солнцу) очень медленно, и дошедши до дверей, наглухо закрытых, приставляет свою ношу к отверстию, нарочито оставленному в войлочной двери, и начинает звать благодать тепла словами *хурэ-хурэ-хурэ*; в то же мгновение все сидящие вскрикивают с энергией оглушительною силою раз до десяти кряду те же слова. *Хурэ* слово тибетское и означает по калмыцки — подай боже! Так как телодвижения в совершаемых калмыками молитвованиях вообще занимает первое место, то и здесь, вместе с выкрикиваниями, все дружно машут руками себе на голову, как бы напевая просимое тепло; а носитель сумы конвульсивно потрясает ею при дверном отверстии. Проходит порыв экстаза, и юноша торжественно — медленно движется с сумою к северной стороне круга (дверь кибитки всегда обращена на юг, по двум причинам: для тепла, как на сторону, не дающую холодных ветров, и во имя *барун-юзюк* — правой стороны, если смотреть на восток: стороны самой счастливой), где между сидящих богомольцев непременно должны находиться две-три штуки малолетних детей — от 5- до 7-летнего возраста; открыв краешек сумы, он весьма торопливо, будто бы воровски, дает им укусь по разу вареной печени и сердца; затем, как бы преследуемый кем, мгновенно бросается на противоположную сторону круга, к дверям, и отчаянно вскрикивает то же *хурэ-хурэ-хурэ!*, а за ним поднимается всеобщий гвалт тех же возгласов. Таким образом, церемония хождения вокруг огня и зывания *хурэ* продолжается до трех раз.

Когда кости совершенно перегорели, тогда из них выбирают лодыжку ноги и хранят ее с особенным благоговением, а краешек сгоревшего сальника берегут как целебное средство от всякого рода болезней. Лампадки и надутую воздухом кишку, вместе с бурьяниками и шерстью, сгребают в огонь и во всю ночь ни под каким видом не прикасаются к костру, а в течение трех дней золу его не выносят за порог. Вслед за молением, не сходя с места, начинается еда и питье сидящих, причем неизбежно опьянение мужчин от туземного напитка — *араки*, почти всегда вызывающее у них ссоры и драку... Затем все кончается сном.

Литература

Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

Душан У. Д. Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними. Астрахань: Калмиздат «Красный калмык», 1928. 56 с.

Кануков Х. Б. Галын Окон-Тенгер (Огнелоклонство у ламаитов-буддистов) // Калмыцкая степь. 1928. № 8–9 (11–12). С. 83–89.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1026 с.

Санскрин-курэдэ. Священное калмыцкое изображение и сведения о донских калмыках Действительного Члена Областного войска Донского Статистического Комитета Ф. Траилина. Новочеркасск: Област. В. Д. типография, 1872. 58 с.

Траилин Ф. К. Санскрин-курэдэ — калмыцкая икона // Донской вестник. 1869. 15 с.

Траилин Ф. К. Из калмыцкой религии (Жертвоприношение — Гал-Тяху) // Донские епархиальные ведомости. 1871. № 4. С 119–124.

Траилин Ф. К. Состояние животных под властью калмыков. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1867. 7 с.